

Клементьев Д.С. **Метаморфозы справедливости**

Журнал «Стратегия России», № 11, 2012 год

КЛЕМЕНТЬЕВ Дмитрий Сергеевич,
*заведующий кафедрой социологии управления
факультета государственного управления МГУ
имени М. В. Ломоносова,
заслуженный профессор МГУ,
доктор философских наук*

При всей актуальности и междисциплинарной популярности, понятие «справедливость» продолжает оставаться одним из наиболее трудно определяемых. Возможно, трудность в том и заключается, что оно охватывает как абстрактную нравственную идею, так и политическую систему, а также реальные объекты в социальном управлении.

В зависимости от социально-экономического устройства, соотношения сил влияния политических группировок, политической культуры элиты, от ее политического опыта и воли, в государстве могут доминировать концепции социальной справедливости, значительно различающиеся между собой. Может сложиться мнение, что в управленческом процессе приемлема любая концепция справедливости, но это не так. Все зависит от интерпретации этого понятия, которая, к тому же склонна к историческим метаморфозам.

Справедливость — категория не только этическая. Она также имеет правовой, экономический и политический аспекты. В той степени, в которой управленческие решения и законы рассматриваются как справедливые или несправедливые, речь всегда идет об их нравственной оценке, то есть о том, согласны ли люди жить в обществе, проводящем данную политику, или же отвергают его как несправедливое, унижающее достоинство человека или отдельных групп людей. Примерно с середины первого тысячелетия до нашей эры берет начало активный процесс рационализации и нравственно-этической и политической мысли. Наряду с господствующими мифологическими представлениями о власти начинают формироваться такие системы взглядов, в которых все больше и больше утверждаются рационально-философские понятия и объяснения политических процессов. Наивысшего развития в Древнем мире политическая мысль достигла в Греции. Слово «справедливость» появляется в диалогах Платона «Государство» и «Законы». В диалоге «Государство» Платон рассматривает как единственно правильное, истинное государственное устройство аристократию, которая основана на четырех добродетелях — мудрости, мужестве, благоразумии и справедливости, и которые могли бы реализоваться на практике только при условии правления философов. Хотя четкого определения понятия «справедливость» Платон не сформулировал, но на указанных страницах фрагмента диалогов «Государство» сконцентрирован весь многообразный диапазон этого

понятия, который получил развитие и интерпретацию во все последующие эпохи, вплоть до наших дней.

Главный источник социального зла и несправедливости Платон видит в частной собственности и демократии. На примере третьего сословия (земледельцев и ремесленников) он показывает, что там, где царит частная собственность, люди враждуют друг с другом, что разрушает целостность государства. Такие виды государственного устройства, как демократия, олигархия, тирания, построены на социальном неравенстве, которое не соответствует неравенству природному. Толпа не способна к управлению, умственному и воинскому труду, поэтому безграничная свобода, о которой говорят «демократы», это путь к распущенности и тирании.

Аристотель говорит конкретнее, что справедливость — это принцип, регулирующий взаимоотношения людей по поводу распределения социальных ценностей (сюда входят богатство, престиж, уважение, свобода). Справедливость — это воздаяние каждому по его заслугам, а несправедливость — произвол, нарушающий права человека. Социальные идеи Аристотеля направлены против платоновского Высшего Блага в пользу конкретного блага. Именно в связи с этой критикой Платона в «Никомаховой этике» сформулировано широко известное выражение, ставшее затем афоризмом: «Платон мне — друг, но истина дороже». Аристотель формулирует понятие: «Благо определяется [в категориях] сути, качества и отношения... а значит, общая идея для [всего] этого невозможна». Далее оно уточняется следующим образом: «Так, например, благо с точки зрения своевременности, если речь идет о войне, определяется военачалием, а если речь идет о болезни — врачеванием; или благо с точки зрения меры для питания [определяется] врачеванием, а для телесных нагрузок — гимнастикой».

Несправедливо получение одними благ за счет других и перекладывание на других собственных обязанностей. Справедливы объективные решения и несправедливы пристрастные. Аристотель выделил несколько видов справедливости: распределительную и уравнивающую. Первая связана с распределением почестей, имущества и других благ между членами общества согласно с принципом достоинства каждого — то есть пропорционально его заслугам. Уравнительная справедливость связана с попыткой уравнивать стороны, здесь достоинство не принимается во внимание.

Несовершенство общества исправляется не уравнительным распределением, а моральным улучшением людей. Законодатель должен стремиться не к всеобщему равенству, а к выравниванию жизненных шансов, при этом частная собственность развивает здоровые эгоистические интересы. При коллективной собственности все или большинство бедны или озлоблены, а при частной появляются богатство и неравенство, но только она дает гражданам возможность проявить щедрость и милосердие. Однако чрезмерное неравенство в собственности опасно для государства.

Аристотель превозносит общество, в котором преобладает зажиточное среднее сословие. Стремление к деньгам, к богатству как таковому Аристотель осуждал, поскольку оно может привести к появлению бедных и богатых граждан, что нарушит единство в полисе. Все, что связано с этим противоестественным, по его мнению, стремлением к богатству (торговые спекуляции, ростовщичество), он называл «хрематистикой» (от греч. *hrema* — имущество). При этом он был реалистом в достаточной степени, чтобы с сожалением понимать, что из «экономики» неизбежно вырастает «хрематистика», разрушающая нормальный ход истории. Особенно это касалось свойственной эпохе античности товарообмена. Так, в античности сложилось

представление о различии между естественным состоянием (*status naturalis*) и гражданским состоянием (*status civilis*) человека.

В дальнейшем наиболее существенная метаморфоза с понятием «социальная справедливость» связана с учением о гражданском обществе Т. Гоббса и Д. Локка, частью которого является общественный договор. Государство начинает трактоваться как средство реализации интересов индивида. Теоретической моделью, позволяющей обосновать новую концепцию социальной справедливости на основе не блага, а права, становится модель общественного договора как специфической формы согласования интересов и урегулирования конфликтов. В рамках договорной традиции таким образом справедливость впервые начинает мыслиться конвенционально — как предмет соглашения между свободными и равными индивидами по поводу взаимного признания прав и интересов. Естественное состояние людей, согласно Гоббсу, — это «война всех против всех», абсолютное соперничество индивидов в борьбе за существование. Это естественное состояние общества порождает у людей страх друг перед другом. Именно страх заставляет людей создавать гражданское общество. Люди рождаются неспособными к общественной жизни, но: во-первых, приобретают склонность к ней в результате воспитания (социализации); во-вторых, гражданское общество порождено страхом одних перед другими, то есть такое общество, которое на договорной основе гарантирует каждому своему члену относительную защищенность от враждебных действий других.

«В этом естественном законе заключаются источники и начало справедливости. Ибо там, где не имело мест предварительное заключение договора, не было перенесено никакое право, каждый человек имеет право на все, и, следовательно, никакое действие не может быть несправедливым. Но если договор заключен, то его нарушение несправедливо. Несправедливость же есть не что иное, как невыполнение договора». По Гоббсу справедливость и собственность начинаются с основания государства. Справедливость есть неизменная воля давать каждому человеку его собственное. Природа справедливости, таким образом, состоит в выполнении соглашений, имеющих обязательную силу, но обязательная сила соглашений начинается лишь с установления гражданской власти достаточно сильной, чтобы принудить людей к выполнению своих соглашений, с чем совпадает также начало собственности.

Справедливость и право на собственность по Гоббсу обеспечивается государством. Наилучшая форма правления — это монархия, где королевская власть не божественна, а естественна: «Суверен оказывает уважение подданному посредством любого титула, должности. Занятия или действия, которые он сам определяет как знак своего уважения к подданному». Таким образом, общественный договор гарантирует порядок, где юридически закрепленное насилие обеспечивает путь к социальному миру, то есть переходит в разумное согласие.

Локк вошел в историю как первый идеолог либерализма. «*Liberalis*» в переводе с латыни означает «свободный». В основе идеологии либерализма лежит идея свободы частного лица. В «Двух трактатах о правлении» Локк подчеркивает, что субъектом политической воли является отдельный человек. Он рождается с изначальным «двойным правом» — правом на личную свободу и на наследование и владение имуществом.

В споре Локка с Гоббсом получила уточнение теория общественного договора как гаранта социальной справедливости. У Д. Локка, в отличие от Гоббса, естественное

состояние человечества не рознь, а свободное сосуществование равных индивидов. Но свобода способна обернуться своеволием, и тогда гармония общей жизни нарушается преступлением и состоянием войны. В целях защиты от подобных нарушений и было создано, согласно Локку, государство в качестве защитника естественных прав и свобод человека. Совместное существование и взаимодействие частных лиц в качестве собственников с подачи Локка стали называть «гражданским обществом», интересы которого призвано защищать «правовое государство». Любой закон создается теми, кто уполномочен народом, то есть создается с согласия народа и по его назначению. «Когда же один или несколько человек возьмутся составлять законы, не будучи на то уполномочены народом, то созданные ими законы не будут иметь силы и народ не будет обязан им повиноваться... — пишет Д. Локк».

Таким образом, социальная справедливость в учениях Т. Гоббса и Д. Локка в течение последних трех столетий пребывает в дуальной оппозиции. Господствующим убеждением является комбинация либеральных свобод, демократического представительства и социального порядка, воплощающего идеалы государства благоденствия и рыночной экономики. Однако в условиях финансового кризиса стало проблематичным рассуждение о социальной справедливости в ситуации социокультурного плюрализма и либеральных убеждений. Поэтому даже те теоретики западной социально-философской и экономической мысли, которые всемерно обосновывали факт легитимации принципов либерализма, в настоящее время вынуждены признать исчерпанность его потенциала. Длившаяся в течение десятилетий дискуссия по проблеме справедливости в начале 1990-х годов столкнулась со значительными концептуальными и методологическими трудностями, с тем, что отдельные эгалитаристские теории, ставшие в свое время классикой справедливости, не оправдали себя.

Обсуждение проблемы социальной справедливости на теоретическом уровне связано с именем прежде всего Дж. Ролза, который считает, что справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других. Непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство. Отличительная черта справедливого общества — гарантия свобод граждан, при этом права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга. Д. Ролз определяет справедливость как честность. Отличительная черта справедливого общества — гарантия свобод граждан. При этом права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга.

В отличие от ее первого описания в статье «Справедливость как честность», в «Теории справедливости» исходная позиция не представляется в качестве какого-то реального состояния дел, а понимается как чисто гипотетическая ситуация, истолковываемая таким образом, чтобы была выбрана определенная концепция справедливости. Д. Ролз определяет справедливость как свойство хорошо организованного общества, заключающее в себе все аспекты его морального благосостояния. На элементарном уровне понятие «хорошо организованного общества» представляет собой обобщение одной из процедурных импликаций первоначальной торговой игры, но с появлением завесы неведения исходная позиция утрачивает свой исходный характер. Обозначая предметом рассмотрения общество в целом, Ролз применяет «принцип дифференциации» к его «основной структуре».

Большинство современных западных теорий справедливости исходят из справедливости с точки зрения и по отношению к отдельно взятому индивидууму —

теории утилитаризма. Ее основная идея заключается в том, что поведение людей носит исключительно целеориентированный характер. Отсюда возникает принцип оценки явлений, действий, событий с точки зрения только того, насколько они способствуют достижению данной цели или целей. Мерой этого является польза или выгода. Отсюда вырастает этическая теория, считающая выгоду основой нравственности и критерием человеческих поступков. «Утилитаризм с самого начала приобрел антигуманную сущность, ибо не только вещи, но и сам человек в нем рассматриваются в качестве средства для достижения пользы. На первый план выдвигается личная польза — вопреки общественной, коллективной. Как принцип поведения, утилитаризм требует подчинения всех поступков получению материальной пользы, выгоды, экономическому расчету, то есть равнозначен узкому практицизму, отрицанию духовных интересов человека» (Дж. Стиглиц, «Ревущие девяностые»).

В гайдаровский период утилитаризм стал самым модным убеждением либералов. Игнорируя справедливость вместе с социальной политикой, рассудили так: кто может, пусть обогащается. Дальше, как следствие такого обогащения, вырастет слой «эффективных предпринимателей», а они помогут впоследствии создать высокий душевой доход и обогатить весь народ. Прошедшие 20 лет показали, что лозунг, как и лежащая в его основе теория, служили просто прикрытием разграбления страны ничтожным меньшинством, дорвавшимся до власти. Производство упало вдвое, миллионы россиян были сброшены в нищету. Народ так и не смог не то чтобы обогатиться, а попросту выйти из крайне бедственного положения, в то время как в списке журнала «Форбс» состояния некоторых российских миллиардеров уже приближаются к 20 миллиардам.

В этих условиях, относительно социальной справедливости, мы еще помним о противостоянии двух систем морали в советской идеологии: пролетарская мораль и буржуазная мораль, каждой из них соответствовали принципы справедливости. До определенного времени пролетарская мораль была доминирующе справедлива. Стремительные перемены в обществе, развал общества, изменение форм собственности, переход от плановой экономики к рыночной вместо гарантированного гражданского права на труд, на отдых, на обучение и здравоохранение — рынок труда и рынок услуг, все обусловлено контрактом.

Дж. Ю. Стиглиц пишет: «Прежние экономические теории исходили из допущения, что заключение и обеспечение выполнения контрактов не связано ни с какими издержками, и, таким образом, когда кто-то делает что-то для кого-либо другого, существует контракт, которого стороны строго придерживаются. Но это очень далеко от реалий экономической жизни, где контракты зачастую неоднозначны, они становятся предметом спорного толкования, и вытекающие обращения в суд связаны с весьма значительными издержками, более того, большинство экономических трансакций осуществляются без заключения контрактов. В последнее время, на примере неэффективных социумов, мы убеждаемся в том, насколько катастрофическими последствиями для экономики чревато нарушение доверия».

В современной отечественной концепции социального управления справедливость должна составлять тот стержень, на котором держатся все деловые отношения общества. Патриотизм или апатия населения к проблемам отечества, нравственные отношения, трудовая мораль, стиль общежития — все эти понятия определяют внутренние факторы национальной безопасности и настолько сильно зависят от социальной сферы, что можно говорить об отдельной и чрезвычайно важной составляющей национальной безопасности — безопасности социальной. Проблема

социальной справедливости тесно связана с проблемой равенства. Именно неравенство людей в конкретных исторических условиях чаще всего порождает чувство несправедливости. Понимание этого веками отшлифовывалось богословами, философами, политиками, правоведами. Социальная справедливость (несправедливость) и равенство (неравенство) — это объективные качества социальных форм связей членов общества, граждан. Сами социальные связи представляют собой совокупность всех отношений людей: экономических, политических, идеологических, семейных, нравственных и др. Социальная справедливость выступает как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов.

В. Путин в статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России» пишет: «Социальная политика имеет несколько целей, несколько измерений. Это поддержка слабых, тех, кто по объективным причинам не может зарабатывать себе на жизнь. Это обеспечение работы социальных лифтов, «равного старта» и продвижения каждого человека на основе его способностей и таланта. Эффективность социальной политики измеряется мнением людей — справедливо ли устроено общество, в котором мы живем».

Можно определить социальную справедливость как неписаный свод правил, устанавливающийся духовной традицией и играющей роль главного интегрирующего элемента в конструкции общества. В работе Г. Пирогова и Б. Ефимова «Социальная справедливость и национальная безопасность» есть такая мысль: «Пока существует справедливость, солдат идет сражаться за Родину, имея чувство принадлежности к Родине, в деловом мире в основном царит взаимное доверие, старики, дети, женщины могут свободно ходить по улицам без риска подвергнуться нападению, низшие социальные группы принимают руководство элиты — иными словами, в обществе существует контракт доверия».

Социальное управление выступает в роли своеобразной формы защиты и сохранения возможностей и ценностей, обеспечивающих выживание общества. Это многообразие составляет главный ресурс общества для преодоления неопределенностей, встречающихся в реальном развитии. Поддержание ценностей обеспечивает принятие решений в ситуациях неопределенностей, когда не слишком ясна ни сама цель, ни средства ее достижения. Традиции, которые являются консервативными по сути, на следующем витке развития могут стать фундаментом для новых типов экономического поведения, новой трудовой морали.

Для возрождения социальной справедливости необходимо достижение социального консенсуса, при котором только и возможно преодоление экономического и политического кризиса. Необходима интеграция совместных усилий всех социальных слоев. Крайне необходимо согласие, социальное партнерство как универсальный способ стабилизации социального управления на принципах социальной справедливости.